

А.П. Заостровцев

*к.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург),
старший научный сотрудник, МЦСЭИ «Леонтьевский Центр»
(Санкт-Петербург)*

И СНОВА О ПРИРОДЕ БОГАТСТВА (о книге М. Коямы и Дж. Рубина «Как разбогател мир: исторические истоки экономического роста»)

Аннотация. В статье представлена рецензия на книгу, в которой её авторы рассматривают концепции перехода к устойчивому экономическому росту. В центре внимания проблема институтов и культуры. Обсуждаются особенности понимания их взаимосвязи. Представлены концепции Р. Аллена и Дж. Мокира с их разной трактовкой условий и причин, породивших промышленную революцию в Великобритании. Авторы книги далее рассматривают распространение этой революции на весь мир. Приводятся разные взгляды на природу развития и отсталости, процессы догоняющего развития. Дается видение причин того и другого применительно к разным странам. Внимание уделяется экономической истории США, Японии и «восточноазиатских тигров». Особое место занимает Китай. Делаются выводы о невозможности импорта институтов без учёта институционально-культурной среды. Книга позволяет получить обширные сведения о главных на сегодняшний день представлениях институциональной экономической истории.

Ключевые слова: институты, культура, промышленная революция, Просвещение, прогресс, Великобритания.

JEL: N00, O10, O43

УДК: 330.8, 330.88

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_196_204

© А.П.Заостровцев, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Заостровцев А.П. И снова о природе богатства (о книге М. Коямы и Дж. Рубина «Как разбогател мир: исторические истоки экономического роста») // Вопросы теоретической экономики. 2025. №2. С. 196–204

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_196_204.

FOR CITATION: Zaostrovtssev A. And Again About the Nature of Wealth (about the book by M. Koyama and J. Rubin «How the World Got Rich: The Historical Origins of Economic Growth») // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 2. Pp. 196–204. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_196_204.

Знакомый с литературой по экономике развития читатель, увидев заголовок книги, решил бы: ну, вот опять, очередная! Сколько можно! И ошибся бы. В этот раз авторы не добавляют собственную концепцию к изобилию исследований на эту тему, с многими из которых познакомился российский читатель [Аджемоглу, Робинсон, 2015; Аджемоглу, Робинсон, 2021; Аллен, 2013; Голдстоун, 2014; Даймонд, 2010; Камерон, 2001; Кларк, 2012; Лал, 2007; Лал, 2010; Макклоски, 2018; Мокир, 2012; Мокир, 2014; Норт, 2010; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011], но делают обзор таковых. Это очень ценно, так как позволяет разом охватить практически все базовые концепции, касающиеся причины богатства народов и экономического роста. «Цель этой книги — собрать в одном месте многочисленные

научные теории о причинах происхождения современного устойчивого экономического роста» [Кояма, Рубин, 2024. С. 29]¹. И далее она формулируется более кратко: «Наша цель — беспристрастно представить все основные теории того, “как разбогател мир”» (С. 38). Посмотрим, насколько эти поставленные цели достигнуты.

В книге выделяются две группы предпочитаемых объяснений. Согласно первой, начала как индустриализации, так и экономического роста связаны с экономическим и политическим развитием. Затрагиваются такие темы, как институциональные изменения, рост потенциала государства и верховенство закона. Вторая группа объяснений подчёркивает роль культуры, понимаемой как те «эвристические методы, которые люди применяют для интерпретации сложного мира вокруг себя» (С. 36-37). Отмечается, что, во-первых, культурные ценности могут быть чрезвычайно стойкими, а, во-вторых, они взаимодействуют с институциональным развитием (С. 37) (к вопросу о связи институтов и культуры нам придётся еще вернуться в силу принципиальной важности проблемы).

Авторы стараются «сделать всё возможное, чтобы в изложение материала не прокрались собственные предпочтения. В то же время во второй части работы они выделяют те концепции, которые, на их взгляд, обладают большей объяснительной силой, чем другие. Рассматривается экономическая история ключевых регионов, прежде всего Великобритании эпохи промышленной революции. И, конечно, нельзя было обойти вниманием Китай и страны Юго-Восточной Азии. О России авторы пишут очень немного, преимущественно о провале коммунистического эксперимента.

Их заслугой является то, что они почти не касаются того, что сами называют «тёмной стороной экономического роста»: загрязнения окружающей среды, изменения климата и способности создавать смертоносное оружие. Загрязнение преодолевается, в конечном счёте, благодаря появлению новых технологий, возможному только в процессе экономического роста. Изменение климата — надуманная проблема, проистекающая из левой повестки дня и вытекающего из нее рентоориентированного поведения. Способность же создавать смертоносное оружие сопровождала человечество всю его историю, а если имеется в виду ядерное оружие, то оно, как показывает практика, является лучшим гарантом мира (не обладай им Индия и Пакистан, то войны между ними были бы постоянны). Однако вернёмся к главной теме.

Начинается обзор с роли географического фактора. Долго на нём задерживаться не будем. Уже многократно было доказано, что география может исключить развитие (например, вряд ли переход к современному экономическому росту мог состояться на Чукотке), но не раскрыть причину перехода к таковому. И здесь согласимся с авторами в том, что «география сама по себе не может объяснить *время* начала промышленной революции» (С. 73).

Далее речь заходит об институтах. Это — третья глава книги. В данной связи хотелось бы обратить внимание на такой аспект, как необходимость внести большую определённости в само понятие «институт». На сложность с ним как результат неправильного перевода английских терминов указали А. Верников и А. Курышева [Верников, Курышева, 2023]. Дело в том, что в английском языке и в соответствующей академической литературе фигурирует слово *institution*, которое следовало бы передавать на русский как институция. Слово институт (*institute*) тоже в ней присутствует, но под ним подразумевается учреждение, организация. И именно в этом смысле он используется в русском языке, когда говорят институт прокуратуры или институт центрального банка. Но это — не институции! Институцией является, например, право. В русском же языке слово институция не употребляется, поэтому институт у нас и институция, и организация (институт). Естественно, далее вошедший в употребление термин «институт» будет равносителен институции, но

¹ В дальнейшем при ссылках на данный источник указываются только страницы в круглых скобках.

никак не организации. Это важно иметь в виду, поскольку речь пойдёт о значении институтов для развития, и здесь совсем не хотелось бы отводить организациям ту роль, которую они не исполняют.

Внеся это уточнение, можно двигаться дальше. Затрагиваются права собственности и система права в целом. Особо подчёркивается значение безличностного характера права, которое ставит на место власти посредством власти закона. И поднимается вопрос: откуда берётся власть закона? Авторы, ссылаясь на видных правоведов и экономистов-институционалистов, находят корни безличности в английском общем праве, которое, в отличие от континентального права, меньше опиралось на римское право и представляло собой набор стабильных, но гибких принципов, позволявших впоследствии появиться сложным организационным формам. Оно было связано с менее обременительным регулированием и лучшей защитой прав собственности. Потом его принципы распространились на поселенческие колонии.

Заходит речь и о политических институтах. На поверхность выходит вечно дебатруемый вопрос: что первично — демократия или экономический рост? И авторы не приходят к определённом ответу: «Нет однозначных доказательств того, что (либеральная) демократия способствует экономическому росту, а не является сама продуктом экономического роста» (С. 100).

Можно вспомнить, что Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон выдвигали политические институты на первый план, ставили их над экономическими. Для них политические институты — инструмент создания экономических институтов. «Политические институты определяют, кто обладает властью в обществе и для каких целей эта власть может быть использована» [Аджемоглу, Робинсон, 2015. С. 80]. М. Кояма и Дж. Рубин, соединяя концепции Д. Норта с соавторами [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011] с концепцией Аджемоглу и Робинсона, ставят вопрос о том, как общества переходят к порядку открытого доступа или к инклюзивным институтам? «Одно дело — перечислить необходимые институты. Другое дело — понять, как к ним перейти» (С. 106). Они указывают на то, что мостами на этом пути у Норта с соавторами служит набор «пороговых условий», а у Аджемоглу с Робинсоном — «критические переломные моменты» (*critical junctures*)², однако авторы книги справедливо заключают: «Нет общего ответа на вопрос, как общество обретает “хорошие” политические институты» (С. 106).

Итак, тут мы второй раз сталкиваемся с неразрешённой загадкой. Первая, как видели, касается ответа на вопрос, где причина и где следствие? Представляется, что причинно-следственную связь в вопросе о демократии и экономическом росте (или даже несколько шире — об экономическом развитии) установить невозможно. Скорее всего, дело в том, что её, при такой абстрактной постановке вопроса, попросту нет. Всё зависит от исторического контекста. В Великобритании сильное представительное правление, как будет показано далее, сыграло существенную роль в создании условий для промышленной революции, а вот если бы таковое имело место на первых шагах становления рыночной экономики в «азиатских тиграх», то вряд ли бы говорили о них как о «тиграх». Тут играет роль ещё и тот факт, что в Великобритании избирательное право долго не было всеобщим. Появись оно в начале XIX в., не исключено, что на развалинах британской экономики появилась бы какая-нибудь партия луддитов.

Вторая загадка — как создать хорошие институты? Хотя, в то же самое время, нет никакой загадки в том, что они собой представляют. По всей видимости, проблему можно сформулировать так: создание этих институтов — не инженерное решение, их сборка

² Критический момент определяется как «исторический момент, в ходе которого возможны гораздо большие изменения, чем в предшествующий и последующий периоды высокой и часто длительной институциональной стабильности» [Büthe, Jacobs, 2017. P. 1].

не происходит по инструкции, как, например, в конструкторе «Лего». Они есть продукт противостояния групп интересов, их некоего равновесия, когда ни одна из них не может решительно взять верх над другой или другими. И тогда приходится искать компромисс, договариваться (представительное правление — всегда порождение компромисса). А вот создать такое соотношение общественных сил по заказу невозможно. Оно — продукт всей истории той или иной страны. Если же институциональные реформы силой продавливаются во враждебном окружении, то почти всегда надо ждать отката той или иной силы (революция аятолл в Иране после «белой революции» шаха Мохамеда Реза Пехлеви или ползучая исламизация в Турции под руководством клана Меджеба Эрдогана после радикальных реформ Ататюрка).

В конце посвящённой институтам главы авторы формулируют вопрос: «Почему в разных частях мира институты работают по-разному?» (С. 132). И он становится мостиком, позволяющим перейти к рассмотрению роли культуры. «Культура резюмирует то, как мы смотрим на мир» (С. 133). В заключительной части главы про культуру говорится, что «современные теории склонны рассматривать культуру так, как её понимают антропологи: как те аспекты общества, которые формируют мировоззрение людей (С. 173)³. Автор рецензии уже поднимал в собственной статье проблему соотношения институтов и культуры. Погружение в эту проблему позволило заключить, что если признаётся наличие неформальных институтов, то они и культура, по сути, вещи тождественные [Заостровцев, 2024. С. 9-10].

Авторы книги констатируют, что «последние исследования показывают, что культура может играть огромную роль в самых разнообразных экономических результатах» (С. 138). Упоминается, что согласно Д. Макклоски, ключевым культурным фактором является то, как люди думают и говорят о труде и прибыли. От себя заметим, что эту идею она развивает в полемике с другими ведущими экономистами-институционалистами [McCloskey, 2016a; McCloskey, 2016b]. А также обратим внимание на то, что в книге, к сожалению, эта полемика не нашла отражения, хотя она находится в самом центре в обсуждаемых в книге проблем⁴.

В анализе влияния культуры один из авторов (Рубин) представляет собственное видение роли протестантизма. В отличие от М. Вебера, он пишет, что значение имело не содержание религиозного учения, а более высокий уровень образования протестантов, необходимый для самостоятельного изучения Библии. Ещё более значимым было то, что Реформация подорвала возможность правителей охваченных ею стран легитимировать свою власть с опорой на авторитет церкви. В результате пришлось обратиться к парламентаризму. Он ограничивал произвол власти и способствовал привлечению к решению общественных вопросов тех слоёв, чьи интересы отвечали нуждам развития экономики (С. 150–152).

В процессе исследования культуры затрагиваются не только религии. Традиционно поднимаются проблемы доверия. В то же время упор делается на такое качество культуры, как устойчивость. «Одна из ключевых причин, по которой культура может влиять на экономические результаты, заключается в том, что она *устойчива*» (С. 173). Признавая и разделяя это убеждение, я хотел бы отметить, что работе не хватает рассмотрения связанной с этим обстоятельством зависимости от траектории предшествующего развития («эффекта колеи»).

³ «Культура – это целиком и полностью продукт разума: она включает предпочтения, убеждения, ценности, которые разделяются достаточно большими группами в обществе и передаются с модификациями между поколениями» [Mokyr, 2025. P. 901].

⁴ С точкой зрения её оппонентов можно познакомиться в [Greif, Mokyr, 2016; Langlois, 2016; Lawson, 2016; Tabellini, 2016].

Далее авторы переходят к вопросу о снижении рождаемости в европейской модели брака (ЕМБ). Показаны разные точки зрения относительно силы влияния ЕМБ на переход к современному экономическому росту. Сами авторы полагают, что демографический переход стал одной из ключевых причин того, почему экономический рост обрёл устойчивость. И самое главное состоит в том, что он стимулировал инвестиции в человеческий капитал (С. 203). Таким образом, на практике воплотился девиз «лучше меньше, да лучше!».

Поднят модный ныне в левых кругах дискурс о «вине» колонизаторов. Авторы показывают, что у современных экономистов однозначного ответа здесь нет. Вместе с тем, надо отдать должное тому, что в книге отмечается очевидное, но обычно задвигаемое ныне на задний план. Например, тот факт, что «расхождение между Западной Европой и Ближним Востоком произошло задолго до колонизации последнего» (С. 212). Или то, что Индия и Китай много лет до вторжения туда европейцев находились в застое. Кроме того, в пост-колониальное время «местные боссы не захотели расставаться с потоком ренты и после обретения независимости, поэтому экстрактивные институты, как правило, сохранялись» (С. 226).

На этом заканчивается первая часть книги. И начинается вторая. Полное её название «Почему некоторые части мира разбогатели первыми, другие последовали за ними, а третьи пока остаются позади». И тут одна за другой следуют, пожалуй, две центральные главы работы. В первой из них выясняется, почему Европа разбогатела первой. В основе — институты. Но какие? Наряду с общеизвестными (типа прав собственности и политического представительства) авторы указывают на политическую раздробленность. На месте Европы не возникло огромной империи, подобной китайской или османской. Конкуренция многих государств на относительно небольшом пространстве оказалась уникальной чертой Европы. Эта конкуренция дала толчок экономическим, политическим, научным и технологическим прорывам.

Однако Европа в силу политической раздробленности представляла и разные облики составляющих её государств. Богатства Испанской империи укрепляли власть монархов и подавляли парламентаризм. Её агрессии бросила вызов Голландская республика. Здесь подчёркивается важность культуры, в данном случае — Реформации. Восстание не могло бы привести к успеху без распространения протестантских (кальвинистских) идей. Одних экономических интересов было бы недостаточно.

В то же время в Голландии «не было никакой централизованной власти, которая могла бы изымать ресурсы, попира́ть права собственности или ущемлять личные свободы» (С. 269). Она создала институты, от которых выигрывали представители экономической элиты. В то же время и в Англии укреплялся парламентаризм. В XVII в. там произошли события, которые отделили её от остальной Европы. Этими событиями стали гражданские войны, завершившиеся Славной революцией. Ограниченная власть монархов позволила снизить стоимость заимствований. Дело в том, что кредиторы стали больше верить такому заёмщику. Можно было мобилизовать огромные ресурсы для ведения войн, не затрагивая напрямую благосостояние страны.

Однако в воздухе повисает вопрос: почему всё-таки Великобритания, а не Голландия стала родиной промышленной революции? Это выясняется в следующей главе. «Главным революционным изменением во время промышленной революции было увеличение темпов инноваций. Ускорение инноваций гарантировало, что экономический рост будет продолжаться и не выдохнется» (284). Далее представлены две позиции относительно Британской промышленной революции.

Р. Аллен находит причину в том, что инновации были ответом на высокую оплату труда и дешёвые капитал и энергию. Дж. Мокир связывает индустриализацию Великобритании с культурными и интеллектуальными процессами в британском и европейском обществе. Плюс то, что сегодня называется на английском *skills* — профессиональное

мастерство работников. Мокир называет это «промышленным Просвещением», поскольку оно базировалось на идее прогресса. Сегодня это покажется несколько странным, но идея прогресса («стрела времени» вместо циклического понимания времени) имела место далеко не всегда, а её появление как раз и обусловило прорыв Великобритании. Разумеется, это имеет успех в сочетании с квалификацией работников. Последние поняли, что могут жить лучше и именно это придало смысл их деятельности⁵. «Британские квалифицированные работники усвоили ключевые культурные идеи Просвещения» (С. 329). Именно это отличало страну от остальной Европы.

Авторы книги, как ни старались спрятать собственные взгляды в обзорной работе, очевидно, разделяют видение Мокира, если не в деталях, то в главном. В сущности, в этой концепции речь идёт о культурной революции, которая наложилась на то, что Мокир называет «полезными знаниями». И их носители стали применять эти знания в производстве для инноваций и распространять вширь.

Глава «Подъём современной экономики» иллюстрирует, как возникшая в Великобритании промышленная революция стала распространяться (или не распространяться) на остальной мир. Как экономический рост стал устойчивым, что значительно увеличило благосостояние. Последнее произошло только во второй половине XIX в. В частности, много места уделяется экономическому развитию США. Для российского же читателя самым интересным будет раздел, который озаглавлен «Советский зигзаг».

Действительно, Россия, ставшая СССР, свершила, казалось бы, небывалое. Если до того везде индустриализация проходила в рамках институтов рыночной экономики, то СССР делал самые большие шаги в деле индустриализации, на первый взгляд, в несовместимой с ней среде. Без прав собственности, без ограничений на полномочия исполнительной власти, без рыночных сигналов в виде свободных цен. Отсутствовали условия того, что называется «смитовским ростом» (по имени А. Смита). Однако шумпетерианский рост (рост на базе инноваций) в той или иной мере имел место. СССР стал примером для ряда развивающихся стран, которые с тем или иным успехом копировали его институты, ограничивая функционирование рынка. Это отвечало интересам элит архаичных социальных систем, которым свободное развитие рынка угрожало потерей монополии на власть.

Авторы книги полагают, что история советской индустриализации преподнесла два урока. Первый заключается в том, что коммунизм несовместим с долгосрочным экономическим ростом. Второй состоит в том, что авторитарное государство в долгосрочной перспективе может задушить рост (С. 372). Эти выводы носят не только исторический характер. Они могут быть применимы и к описанию перспектив экономик современных автократий, в чём мы убедимся, когда дойдём до описания развития Китая.

Рассмотрение «догоняющего развития» начинается с Индии, для которой этот процесс нельзя назвать целиком успешным. Страна «засиделась на старте», будучи увлечённой социалистическими экспериментами. Движение в правильном направлении было выбрано слишком поздно, после краха СССР. В то же время свое внимание Кояма и Рубин фокусируют совсем не на Индии, а на Японии и «восточноазиатских тиграх». Эти разделы выглядят далеко не лучшими в их книге. Представляется, что это во многом следствие самого жанра книги как обзора имеющихся исследований. Потому из её содержания можно заключить, что неевропейская индустриализация изучена ещё не столь обстоятельно, как европейская. Хотя отдельные причины называются, но как-то в целостную картину они не складываются.

Китаю уделено куда больше внимания. Не будем вслед за авторами идти по истории этой страны. Перейдём ближе к современности. Здесь находим важное рассуждение о легитимности власти. Для китайца хорошее правление (обеспечивающее рост благосостояния)

⁵ Подробнее см. в [Мокир, 2025].

означает легитимное правление. Это обстоятельство поддерживает нынешнее коммунистическое правление. В то же время выносится предупреждение: «Поскольку Китай остаётся высоконцентрированным и авторитарным государством, то всегда существует возможность, что текущая экономическая политика поменяется на противоположную» (С. 414)⁶.

В конце главы об индустриализации и мире делается вполне уместный вывод: «Подходящие институциональные реформы всегда будут зависеть от контекста и политических ограничений». И далее: «То, что сработало и сделало некоторые части мира богатыми, сработало в определённом историческом и институциональном контексте» (С. 415-416). К этим словам важно прислушаться тем, кто полагают, что в социальном мире, как в области технических конструкций, имеется некий универсальный план, раскрыв и изучив который, можно реформировать чуть ли не любое общество. Более того, при таком социальном конструировании часто не известно, что работает, а что — нет.

В заключительной части работы, названной «Мир богат», подводятся итоги и делаются обобщения. Импонирует, что авторы акцент делают в том числе и на культуру. Они снова обращаются к тому уникальному прорыву, который совершила Великобритания, впервые в мире превратив устойчивый экономический рост в норму. Перечисляя всем известные английские институты, сделавшие это возможным, авторы говорят: «Но в Великобритании были ещё и культурные атрибуты, дополнявшие эти институты. Труд в поте лица не ставил человека на низкую ступень социальной лестницы. Среди интеллектуальной элиты идея непрерывного прогресса казалась достойной и реалистичной целью» (С.422). Ни одна другая страна не обладала таким сочетанием институционально-культурных характеристик.

Аналогично авторы желают вновь подчеркнуть невозможность импорта институтов без привязки к местному институционально-культурному контексту. «Именно это делает проблему экономического развития в беднейших частях мира такой коварной. Панацеи не существует. Мы знаем, что работало в различных исторических контекстах. Но просто перенести то, что сработало в другом месте, в беднейшие страны — не решение. Имеет значение контекст. Имеют значение культура и историческое прошлое» (С. 423).

В общем, этот заключительный вывод очень близок к тому видению, к которому пришли представители современной австрийской экономической школы в своей экономике развития: «Приживаемость (*stickiness*) институтов — способность (или неспособность) предлагаемых институциональных устройств удержаться там, куда они трансплантированы, является критической для понимания того, каким образом история имеет значение для институтов конкретных народов и, следовательно, их экономической конкурентоспособности» [Boettke, Coyne, Leeson, 2013. P. 9].

Всё это говорит о том, как мало человек может сделать в конструировании социальной реальности. Все успешные великие реформаторы застигали меняемые общества «врасплох» — в период потрясений, когда их институционально-культурная сопротивляемость новому была серьёзно ослаблена шоковыми событиями. В эту категорию попадут и послевоенная Германия, и такая же Япония, и Турция в период старта реформ Ататюрка, и Южная Корея после Корейской войны, и Тайвань периода правления Чан Кайши и его преемника Цзян Цзинго. Однако это необходимое, но недостаточное условие, Ирак после С. Хусейна не демонстрирует стремления к правовому государству. Впрочем, как и Сирия после свержения Б. Асада.

Возвращаясь к книге, нельзя не сказать, что, безусловно, она представляет собой очень ценный материал по институциональной экономике развития. Традиционно её называют новой институциональной экономической историей, но она выходит далеко за

⁶ Подробный обзор развития Китая, его проблем и перспектив на основе институционального анализа см.: [Shirley, Xu, 2025].

рамки узкого экономического мышления. Эта книга сможет заменить чтение, как минимум, десятка источников, нередко и недоступных ныне российскому экономисту, социологу, политологу. Несомненна её ценность для преподавателей предмета «Институциональная экономика». Да и для всех изучающих этот курс. Она раздвинет узкие рамки экономического мейнстрима, покажет, что мир не ограничивается сравнением предельных выгод с предельными издержками. Или же тогда в предельные выгоды придётся вложить максимально широкое содержание, включая убеждённость в собственной идейной правоте.

Однако эта книга — больше чем просто хороший путеводитель по институциональной истории. Она помогает избавляться от догматизма социального конструктивизма. Не стесняется показывать проблемы, на которые академическое сообщество не находит ответов. Может быть, в этом и заключается её самая большая ценность. Поскольку такой подход подталкивает к самостоятельному мышлению. А эта сверхзадача далеко не всегда присутствует в работах экономистов.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2015). *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. [Acemoglu D., Robinson J. (2015). *Why Nations Fail, The origins of Power, Prosperity and Poverty*]. — М.: АСТ.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021). *Узкий коридор* [Acemoglu D., Robinson J. (2021). *The narrow corridor*]. — М.: АСТ.
- Аллен Р. (2013). *Глобальная экономическая история. Краткое введение* [Allen R. (2013). *Global Economic History: A Very Short Introduction*]. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Верников А.В., Курышева А.А. (2023). Институция: лишняя сущность или недостающее звено? [Vernikov A. V., Kuryшева A. A. (2023). How Did the Meaning of an Institution Get Distorted?] // *Journal of Institutional Studies*. Т. 15. № 4. С. 109–123. DOI: 10.17835/2076- 6297.2023.15.4.109-123.
- Голдстоун Дж. (2014). *Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500-1850* [Goldstone J. (2014). *Why Europe? The Rise of the West in World History, 1500-1850*]. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Даймонд Дж. (2010). *Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ* [Diamond J. (2010). *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*]. — М.: АСТ, Corpus.
- Заостровцев А.П. (2023). Эффект колеи, культура и «критические моменты» в институциональной истории [Zaostrovtshev A. (2023). Path Dependence, Culture and «Critical Junctures» in the Institutional History] // *Вопросы теоретической экономики*. 2023. № 3. С. 7-21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_7_21.
- Камерон Р. (2001). *Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней* [Cameron R. (2001). *A Concise Economic History of the World: From Paleolithic Times to the Present*]. — М.: РОССПЭН.
- Кларк Г. (2012). *Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира* [Clark G. (2012). *A Farewell to Alms. A Brief Economic History of the World*]. — М.: Изд-во Института Гайдара.
- Кояма М., Рубин Дж. (2024). *Как разбогател мир: исторические истоки экономического роста* [Koyama M., Rubin J. (2024). *How the World Get Rich. The Historical Origin of Economic Growth*]. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Лал Д. (2007). *Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты* [Lal D. (2007). *Unintended Consequences. The Impact of Factor Endowments, Culture? And Politics on Long-Run Economics Performance*]. — М.: ИРИСЭН.
- Лал Д. (2010). *Похвала империи. Глобализация и порядок* [Lal D. (2010). *In Praise of Empires. Globalization and Order*]. — М.: Новое издательство.
- Макклоски Д. (2018). *Буржуазные добродетели. Этика для века коммерции* [McCloskey D. (2018). *The Bourgeois Virtues. Ethics for an Age of Commerce*]. — М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
- Мокир Дж. (2012). *Дары Афины. Исторические истоки экономики знаний* [Mokyr J. (2012). *Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy*]. — М.: Изд-во Института Гайдара.
- Мокир Дж. (2014). *Рычаги богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс* [Mokyr J. (2014). *Levers of Wealth: Technological Creativity and Economic Progress*]. — М.: Изд-во Института Гайдара.
- Норт Д. (2010). *Понимание процесса экономических изменений* [North D. (2010). *Understanding the Process of Economic Change*]. — М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для изучения письменной истории человечества* [North D., Wallis D., Weingast B. (2011). *Violence and social orders*.

- A conceptual framework for interpreting recorded human history]. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Boettke P.J., Coyne Ch.J., Leeson P.T. (2013). Comparative Historical Political Economy // *Journal of Institutional Economics*. 2013. Vol. 9. No. 3. Pp. 285-301.
- Büthe T., Jacobs A.M. (2017). Letter from the Editors // *Qualitative and Multi-Method Research*. Vol. 15. No. 1. P 1.
- Greif A., Mokyr J. (2016). Institutions and Economic History: A Critique of Professor McCloskey // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 12. No.1. Pp. 29-41. DOI: 10.1017/S1744137415000417.
- Langlois R.N. (2016). Institutions of Getting Out of the Way // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 12. No.1. Pp. 53-61. DOI: 10.1017/S1744137415000375.
- Lawson R.A. (2016). Can Two Observations Confirm a Theory? A Comment on Max U versus Humanomics // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 12. No.1. Pp. 49-51. DOI: 10.1017/S174413741500017X.
- McCloskey D. N. (2016a). Max U versus Economics: A Critique of Neo-Institutionalism // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 12. No.1. Pp. 1-27. DOI: 10.1017/S1744137415000053.
- McCloskey D. N. (2016b). The Humanities Are Scientific: A Reply to the Defences of Economic Neo-Institutionalism // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 12. No.1. Pp.63-78. DOI: 10.1017/S1744137415000430.
- Mokyr J. (2025). Culture versus Institutions in the Great Enrichment // *Handbook of New Institutional Economic*. 2-nd ed./C. Menard & M. M. Shirley (eds.). Cham: Springer. Pp. 896-924.
- Shirley M., Xu L.C. (2025). Formal and Informal Institutions Explaining Chinese Modern Economic Development: Their Historical Roots and Recent Evolution // *Handbook of New Institutional Economic*. 2-nd ed./C. Menard & M. M. Shirley (eds.). Cham: Springer. Pp. 927-952.
- Tabellini G. (2016). Ideas or Institutions — A Comment // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 12. No.1. Pp. 49-51. DOI: 10.1017/S1744137415000338.

Заостровцев Андрей Павлович

zao-and@yandex.ru

Andrey Zaostrovtssev

PhD (economics), professor, National Research University — Higher School of Economics.

zao-and@yandex.ru

AND AGAIN ABOUT THE NATURE OF WEALTH (ABOUT THE BOOK BY M. KOYAMA AND J. RUBIN «HOW THE WORLD GOT RICH: THE HISTORICAL ORIGINS OF ECONOMIC GROWTH»)

Abstract. The article presents a review of a book in which its authors consider concepts of transition to sustainable economic growth. The focus is on the problem of institutions and culture. The features of understanding their relationship are discussed. The concepts of R. Allen and J. Mokyr with their different interpretations of the conditions and causes that gave rise to the industrial revolution in Great Britain are presented. The authors of the book then consider the spread of this revolution throughout the world. Different views on the nature of development and backwardness, catching up development are given. A vision of the causes of both is given in relation to different countries. Attention is paid to the economic history of the USA, Japan and the “East Asian tigers”. China occupies a special place. Conclusions are made about the impossibility of importing institutions without taking into account the institutional and cultural environment. The book allows you to get extensive information on the main ideas of institutional economic history today.

Keywords: *institutions, culture, industrial revolution, Enlightenment, progress, Great Britain.*

JEL: N00, O10, O43.